

ГЛАВА XVI. Диктатура класса.

Социалисты, сторонники власти, так откровенно желают установить правительство со всей его властью и всеми атрибутами, что для того, чтобы заранее оправдать его они громко заявляют, что будет необходимо установить «диктатуру класса». Но при этом забывают объяснить, что понимается под «диктатурой класса». Не есть ли это одно из тех слов, высокопарных, громких, звучных, но совершенно лишенных смысла и абсолютно ничего не обозначающих; одно из тех пустых слов, бросаемых, время от времени, массам, чтобы избежать объяснений, которые было бы затруднительно дать. Подобные слова содержат в себе целый мир обещаний, и наивные люди подхватывают их и делают из них себе знамя, не понимая, что над ними издеваются, что их осмеивают. «Диктатура класса»! Посмотрим же, что этим хотят сказать.

«Это будет оружие рабочих против буржуазии», отвечают нам. Превосходно! но в чем выразится эта «диктатура» на следующий день после революции[3], которая, чтобы быть удачной, должна состоять именно в том, что все социальные неравенства будут уничтожены?

Сколько ни вдумываться в эту проблему, вывод получается только один.

Пугая рабочих призраком буржуазии, хотят приучить их быть слепой, бессознательной массой, получающей лозунги от своих вожаков, приучить их действовать под влиянием толчка исходящего из правящего центра, без малейшей личной инициативы; таким образом надеются подготовить введение диктатуры, которую никто не станет оспаривать, и которая будет навязана всем на следующий день после революции.

Рассчитано хорошо, ибо при такой системе официальное правительство могло бы в крайнем случае притвориться покорным, униженным, делать вид, что исполняет только «волю народа». Казалось бы, не будет надобности ни в полиции, ни в армии, ибо принудительные силы будут добровольно доставлены правительству добрым и всегда великодушным народом.

Все живые силы революции, приученные выполнять без рассуждений приказание, безымянных правящих комитетов, находились бы всецело в руках правительства. Диктатура, обыкновенно жестокая, сделалась бы отеческой и кроткой, но тем не менее существовала бы, хотя и неуловимая, но постоянно возрождающаяся в наших рядах.

Мы должны бороться всеми нашими силами против подобной диктатуры, во сто раз более страшной по своим последствиям, чем все существовавшие до сих пор, ибо народ

предписывал бы только то, что ему было бы продиктовано его вожаками, веря, что он сам предписывает свою собственную волю. Всякая мера, применения которой он требовал бы, была бы ему внушена теми, кто в ней нуждается для обуздания народа.

К тому же лица, оторванные от работы в мастерской[4], не могли бы более производить, будучи принуждены отдавать все свое время делам диктатуры, и самим этим фактом превратились бы в предстателей буржуазии.

Первая вещь, которую они должны были бы, по нашему мнению, сделать, приступая к исполнению своих обязанностей, это упразднить самих себя.

На это нам ответят, что занятия делами диктатуры волей товарищей и на пользу всеобщего благосостояния, не будучи материальным трудом, не были бы менее производительными, потому что способствовали бы поддержанию порядка в социальном строе; что производительные способности не ограничиваются выработкою какого-либо предмета, и что ученый, который решает алгебраическую, физическую или психологическую задачу, является таким же производителем, как и тот, кто обрабатывает землю, обтачивает часть машины или выделяет пару сапог. Пусть и они имеют право на участие в распределении продуктов, какова бы ни была форма их деятельности.

Конечно мы знаем, что мозговая работа может быть также производительна, как и ручной труд, и не намереваемся дать преимущество одному перед другим. Всякое проявление человеческой личности полезно развитию человечества, всем должно быть место в обществе, к которому мы стремимся, но мы не согласны с казуистическими рассуждениями сторонников различий. Зачем нам упразднять одну аристократию, и ставить на ее место другую? Разве это нас подвинет вперед?

«Нами будут править равные», говорят нам. Но ведь они перестанут быть таковыми в тот день, когда им дано будет право нами командовать. И что нам за дело, кто даст предписание, если тот, который их получает, обязан только повиноваться.

В настоящее время гнет, тяготящий над нами, происходит не от кучки хозяев и собственников, живущих нашим трудом. Если теперь нищета так угнетает рабочих, то это не столько вследствие того, что собственность принадлежит немногим лицам, но, в особенности, потому, что эти немногие нуждаются в целой иерархической системе организации, влекущей за собой появление массы бесполезных должностей, которые все подавляют производителя, и ради которых этот последний принужден работать. Что нам за дело до того, что будут переменены названия и способ набирать персонал, если тяжесть останется на наших плечах?

Мы сказали, что если бы народу удалось совершить революцию, завладев частной собственностью, то классы самим фактом будут упразднены, и мы не видим необходимости устанавливать, в видах противодействия их возрождению, какой бы то ни было диктатуры. «Останутся», говорят нам, «представители буржуазии, которые могут быть опасны новому строю, и существование их вызовет необходимость установления диктатуры».

Пусть будет так. Установить власть для того, чтобы сделать бессильными тех, кто захотел бы повести общество назад? Отлично. Но ведь, как только эта власть будет установлена, кто помешает ей объявить войну тем, которые захотят пойти вперед? Кто из призванных к власти, ради преследования лиц, недовольных созданным вами положением, сумеет отличить между этими недовольными тех, кто будет желать худшего от тех, кто захочет лучшего?

Как бы там ни было, диктатура — понятие, слишком растяжимое, и мы ее не хотим. Мы, сторонники истинной свободы, считаем, что злая воля нескольких изолированных индивидуумов не оправдывает установления регламентации для всех. Злая воля представителей буржуазии, лишенных всего, что составляет теперь их силу: капитала и власти, не могла бы быть опасна ни для кого, но власть во главе общества была бы опасна для всех.

Неужели же можно серьезно думать, что при отобрании собственности из рук меньшинства, какое-либо социальное преобразование может совершиться без того предварительного переходного периода, который предвидится для анархического общества? Конечно нет. И выгода этого последнего заключается в том, что в то время, как оно будет развиваться, правда, опытным путем, но по крайней мере совершенно свободно, предоставляя каждому характеру, каждому темпераменту возможность эволюционировать по своему, и развивать инициативу, — централизованная организация, с её претензией установить единую систему, будет сталкиваться постоянно с обидчивостью одних, разбивать надежды других, создавать недовольных наряду с удовлетворенными, и таким образом возникнут новые интересы, которые сплотятся вокруг новой власти и помогут подавить недовольных, оставляя им только один выход из положения — новую революцию.

Если же, напротив, предоставить группам свободу организовываться, то любая группа, которая не соответствовала бы развитию общества, могла бы переорганизоваться на новых началах; индивидуумы, участвующие в этой группе, могли бы, если эта группа не отвечала бы их стремлениям, покинуть ее, чтобы войти в другую, которая лучше бы отвечала их новым воззрениям, или же образовать новую группу, сообразно со своими взглядами; и все это, не производя замешательства в обществе, ибо эти изменения могли бы быть частичными и постепенными, между тем, как при насильно навязанной централизации для изменения малейшего из её механизмов требуется всегда революция.

История человечества, таким образом, представляла бы только непрерывную эволюцию, ведущую нас без остановок, без столкновений к цели, к которой мы все стремимся: счастью каждого отдельного индивидуума, но, прибавим мы от себя, при условии всеобщего счастья.

Из предыдущего видно, что далекие от желания взрывать динамитом всегда и без поводов тех, кто не держится одних с нами взглядов, мы только требуем естественного права^[5] или лучше простора применять это естественное право, присущее нашей природе. Пусть нам предоставят свободу организоваться так, как мы захотим, пусть также будут свободны те, которые думают не так, как мы, организоваться по своим собственным взглядам. Разве мы виноваты в том, что наши угнетатели не оставляют нам для предъявления наших требований другого выхода, кроме насилия, того самого насилия, которое они не

стесняются употреблять по отношению к нам?

Мы хотим занять свое место в обществе. Отказывая нам в возможности сделать это мирно, надеется ли буржуазия серьезно, что мы смиримся, в ожидании, пока она сделает нам какую-нибудь уступку?

Она пользуется властью, которой завладела и экономическим положением, в которое мы поставлены, чтобы нас поработить и эксплуатировать, не оставляя нам другого выхода, как или трусливо выносить эксплуатацию, или растоптать буржуазию; пусть она винит свою хищность, если одним из средств, представляющихся нам для нашего освобождения, является революция. Насилие вызывает насилие, и не мы создали такое положение.

Буржуазия со своим пристрастием к насилию является первой виновницей. Но если мы хотим лишить буржуазию той собственности, которой она владеет, если мы хотим лишить ее той власти, за которой она укрывается как за крепостною стеною, то не ради того, чтобы в свою очередь воспользоваться властью, не для того, чтобы позволить одному классу или отдельным лицам заменить буржуазию в эксплуатации человеческой деятельности.

В 89 году, завладев имениями дворянства и духовенства, буржуазия распорядилась ими, отдав их во владение некоторым из своих членов, в ущерб тем, которые имели на них больше права, так как они сами их обрабатывали. Таким образом, ею была совершена классовая революция. Мы же хотим освобождения личности, без различия класса, и потому хотим вырвать собственность из рук одного класса, передать в распоряжение всех, без исключения, для того, чтобы каждый мог найти возможность развивать свои собственные способности.

И если мы прибегаем к силе, чтобы выполнить это преобразование, то проявляем не стремление к власти, как неосновательно говорят о нас, а напротив совершаем акт свободы, разбивая цепи, сковывающие нас.

Другой аргумент в пользу свободы групп и отдельных личностей в обществе, действительно основанном на солидарности сил и интересов всех, заключается в том, что человеческая мысль беспрестанно прогрессирует, между тем как человек, напротив, дойдя до известного периода, когда останавливается развитие мозга, и парализуется его умственная деятельность, склонен считать безумными все новые идеи, исповедываемые более молодыми, чем он.

Разве, например, идеи 48 года не кажутся нам теперь очень узкими, чтобы не сказать, совершенно ретроградными? И где те несколько человек, переживших ту эпоху и считавшихся тогда одними из наиболее экзальтированных? В каком лагере они теперь?

И нет надобности возвращаться так далеко назад; никто сегодня не пойдет сражаться за идеи, господствовавшие в 71 году: коммунальную независимость и какой-то туманный социализм. Амнистированные коммунары, оторванные ссылкой от умственного течения, вернувшись, в большинстве случаев[6] оказались едва ли не на одном уровне с радикалами, которых они раньше, до событий, оставляли далеко позади себя, и я не хочу доискиваться, где они теперь.

Да, до тех пор пока люди будут стремиться установить единую форму организации, они будут создавать этим преграду для будущего общества; преграду, которая исчезнет только в результате революции, совершаемой новым поколением. Пусть те, кто считает себя выше массы, объявляют себя руководителями и требуют соответствующих учреждений для поддержания своего «протектората», — это их роль. Мы же желаем истинного равенства и свободы, без ограничений, и думаем, что один человек равноценен другому, каковы бы ни были различия их способностей; мы убеждены даже, что эти различия являются только залогом лучшего функционирования гармонического общества, и хотим не диктатуры одного какого-нибудь класса, но полного, абсолютного исчезновения всех неравенств и привилегий, на которых эти неравенства основаны.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 8 июля 2025 15:38:01
██████████ ██████████ обновил 8 июля 2025 15:38:48